

в Москве на Всероссийском демократическом совещании, объединявшем несоциалистические силы. Участники сошлись на том, что России угрожает гражданская война. В поисках поддержки своему правительству Керенский в том же месяце собрал в Москве Государственное совещание. Попытка объединить левых и правых закончилась провалом. Вместе с тем совещание показало рост популярности верховного главнокомандующего генерала Корнилова, чему одни были рады, в то время как другие усматривали в этом угрозу революции.

Протесты против надвигающейся контрреволюции прокатились по всей стране, как только Корнилов, в ответ на слухи о готовящемся большевиками перевороте, начал приготовления к его подавлению и выступил против Петросовета. Во время событий, получивших название «корниловского выступления», Керенский, решив, что Корнилов посягает на его власть, распорядился арестовать его и еще нескольких генералов. Единственной выигравшей стороной оказались большевики. Керенский высоко оценил их помощь в «спасении» революции от Корнилова: освободил большевистских вождей из заключения и выдал сорок тысяч винтовок столичным рабочим. Удача вновь улыбнулась большевикам после июльского провала, тогда как Керенский потерял поддержку консерваторов, либералов, генералитета и даже многих левых.

11 апреля, когда Шереметевы приехали из Петрограда в Москву, Борис и Лили Вяземские отправились в свою усадьбу Лотарево в Тамбовской губернии. Граф

Сергей был рад их отъезду. Он не мог примириться с их либеральными взглядами, и бесконечные споры о политике его раздражали. Весной Вяземские похоронили брата Бориса Дмитрия (убитого шальной пулей, когда он ехал на автомобиле по Петрограду) там же, в семейном склепе, несмотря на протесты крестьян, ненавидевших Дмитрия за жестокость, с которой он подавлял их волнения в 1905 году. Ситуация была тревожной. Вокруг сновали агитаторы, крестьяне громили усадьбы. Борис слал в столицу просьбы о помощи, но помощь не приходила. Когда стало ясно, что их жизни угрожает опасность, Борис решил оставить Лотарево. Однако бежать они не успели.

В июле крестьянский комитет потребовал, чтобы Вяземский отказался от своих земель. Крестьяне готовы были оставить за ним десять десятин и немного скота. Вяземский настаивал на том, что в решении этого вопроса следует дожидаться Учредительного собрания. Крестьяне повторили свои требования в августе, и на сей раз Борис не стал им отвечать.

Однажды утром в конце августа сотни окрестных крестьян под предводительством большевистского агитатора Моисеева пришли в Лотарево. Лили и слуги уговаривали Бориса сесть на заднем дворе в телегу и уехать, пока те не уйдут, но он отказался. Вяземский уже сталкивался прежде с разъяренной толпой, и ему всегда удавалось ее утихомирить. Он собирался поговорить с крестьянами, однако, подстрекаемые Моисеевым, они не дали себя уговорить. Одни предлагали убить Вяземского, другие — арестовать

его или отправить на фронт. Бабы набросили петлю на шею Лили, но мужики велели им остановиться, и ее отпустили.

Настроение толпы несколько раз менялось. Как вспоминал один из крестьян, Вяземский наконец сказал: «Друзья мои, отпустите нас невредимыми и можете забирать все что вам угодно, деньги, землю, усадьбу, только оставьте нас в покое». Но крестьяне заперли Бориса и Лили в местной школе и продолжали спорить, что делать дальше. Служанка Лили принесла им плащи и папиросы. Бабы пялились на них в окна, и Борис завесил их плащами. На следующий день деревенские порешили отвезти Бориса на железнодорожную станцию и отправить в Петроград, чтобы на фронте окопы стали Борису могилой. Лили оставалась на милость крестьян, которые захватили винный погреб. Бориса повезли на станцию, которая оказалась битком набита дезертирами и призывниками, ожидавшими отправки на фронт. Известие о том, что здесь находится князь Вяземский, быстро разнеслось в толпе. Дезертиры вытащили Бориса из квартиры начальника станции и забили его насмерть шомполами.

С помощью горничной Лили переоделась крестьянкой и бежала к соседям, которые отвезли ее на станцию. Она нашла изуродованное тело мужа в пустом товарном вагоне на запасных путях.

Шереметевы узнали об убийстве в Михайловском во всех подробностях, включая тот факт, что тело его было осквернено и валялось в грязи. Граф Сергей был потрясен, у его жены Екатерины случился сердечный

приступ. Александр Гудович встречал гроб с телом Бориса в Москве. Отпевали его 29 августа.

После убийства Бориса крестьяне со страхом ожидали реакции властей. Но дни шли за днями, а ничего не происходило. Через четыре месяца Лотарево было разграблено и разрушено. Могилу Дмитрия, брата Бориса, вскрыли и тело достали из гроба. Позже Лили встретила в Крыму свою старую служанку, которая подробно рассказала, как крестьяне громили усадьбу. Происшествие повергло в ужас обитателей соседних усадеб. Помещики требовали у властей защиты и наказания для крестьян Вяземского, но реакции по-прежнему не последовало. Вспышки насилия произошли еще в нескольких местах и еще несколько усадеб были сожжены. К концу октября в Тамбовской губернии было разграблено и разрушено 154 усадьбы.

Осенью террор в провинции усилился. Газеты писали теперь не о «волнениях» и «беспорядках», а об «анархии». «День» сообщал, что между крестьянами Тульской губернии идет агитация о «полном уничтожении помещиков» и завладении их землями и усадьбами, не дожидаясь Учредительного собрания. В октябре в Козловском уезде стали метить усадьбы, из которых уехали дворяне, чтобы можно было сжечь их и тем самым изгнать помещиков навсегда. В Курской губернии в середине октября появилась таинственная организация «Черная рука», призывавшая крестьян к уничтожению землевладельцев. В некоторых местах погромщики не ограничивались дворянами, но нападали также на евреев. Самые крупные вспышки

крестьянского насилия произошли в Саратовской, Самарской, Пензенской и Симбирской губерниях. Крестьяне этого региона сыграли решающую роль в определении хода революции и окончательном крушении старого порядка в деревне.

В сентябре «мэр», Софья и остальные Голицыны вернулись в Москву. Их сын Александр с начала Февральской революции неумоимо трудился, помогая реорганизовать местное управление в Звенигороде, пока не был изгнан большевиками, получившими там большое влияние. Он утратил свой прежний оптимизм в отношении революции и был убежден, что только сильная личность вроде Корнилова может спасти страну.

В том же месяце княжна Екатерина Сайн-Витгенштейн писала:

Можем ли мы утверждать, что виноваты все, кроме нас, что мы пострадали безвинно? Разумеется, нет. Мы — благородное сословие, и, следовательно, виновны перед другими сословиями от века. Мы однако не даем себе труда признать это, и только естественно, что ненависть к нам, основанная на зависти, должна была прорваться рано или поздно. Теперь они ненавидят нас лютой ненавистью, не различая отдельных личностей среди нас, и видя в нас только класс «буржуев», «землевладельцев» и «господ», класс, который так много доброхотов побуждали их ненавидеть более всего. <...> Мы обвиняем их в глупости, скарденности, грубости и грязи, мы

обвиняем их в отсутствии патриотизма и вообще гуманности, косном эгоизме. Они темны и отсталы, это правда, но разве они в этом повинны? <...> Кто учил их любить родину? Жадность, грубость, наглость и глупость — их отличительные черты, но можно ли ожидать большего от людей, которые недавно были рабами?